

Недавно продавал гондолу барышне

Кто есть Александр АДАБАШЬЯН, сразу и не ответишь.

Он — художник по образованию, а по жизни еще и сценарист, актер и режиссер. Не так давно на ОРТ показали его фильм "Азазель" по одноименному роману Бориса Акунина.

А еще А.Адабашьян преподает на Высших курсах сценаристов и режиссеров. Ставил оперу "Борис Годунов" в Мариинском театре. Чем только не занимался.

— Какими проектами, Александр Артемович, вы сегодня живете? Какой род ваших занятий превагирует?

— Написан сценарий совместно с французским режиссером по роману Диккенса "Домби и сын".

— Это ваш выбор?

— Нет. Поступило предложение, которое мне очень понравилось. Я люблю Диккенса, а для телевидения его произведения — просто клад: характеры потрясающие! Кроме того, позвонил на днях мой итальянский приятель-режиссер, с которым мы уже две картины вместе сделали, и рассказал, что снимает для британского телевидения "Доктора Живаго". Задавал множество вопросов, иногда чисто бытовых. Сообщение о возможных костюмах повергло меня в трепет. Предполагается одеть героев чуть ли не в азербайджанские одежды, какие-то шаровары. Живаго наверняка будет носить бороду до колен, атласную рубаху. Мой друг любит Россию, бывает здесь, а Пастернак и его роман обожает. Обидно, конечно, если в результате мы в очередной раз увидим на экране "удивительную" Россию в валенках. Снимают в Словакии и Чехии, и можно себе представить, какова будет московская архитектура. Моего участия в этом проекте никакого, приходится лишь отвечать на некоторые вопросы из серии: "Может ли над кроватью умирающей старушки висеть икона?", "Как крестятся православные?" Так что являюсь своего рода консультантом по русской жизни. Может, и полечу к своему итальянцу, у которого каждый день возникают ко мне все новые вопросы.

— Роман Акунина — ваш выбор или только предложение, показавшееся вам небезынтересным?

— Это было тоже предложение, которое я принял. Чем он привлекателен лично для меня? В потоке того, что сейчас пишется и читается, это все-таки крепкая беллетристика, написанная хорошим языком. Хотя не могу сказать, что я много читаю современной литературы, но из того, что попадалось на глаза, сочинения Б.Акунина показались самыми интересными. Они наполнены всякого рода литературными игрушками, аллюзиями, отсылками к произведениям Тургенева, Достоевского, Толстого. Этим мне "Азазель" и понравился. В нем не чувствуешь некой сконструированности, свинченности, свойственной, допустим, Пелевину. Кроме того, события происходят в XIX веке, и это весьма точное попадание — интересное время, привлекательное для многих. Современные сочинения все чаще крутятся вокруг Садового кольца со всеми вытекающими последствиями: традиционный набор посетителям казино, вариации на тему корумпированных сыщиков, политик, проституток из провинции. Это

го и в российском кино предостаточно. А у Акунина есть истории про людей, что самое важное.

— "Азазель" показали единым блоком, что на пользу картине не пошло. Серийность так и просится.

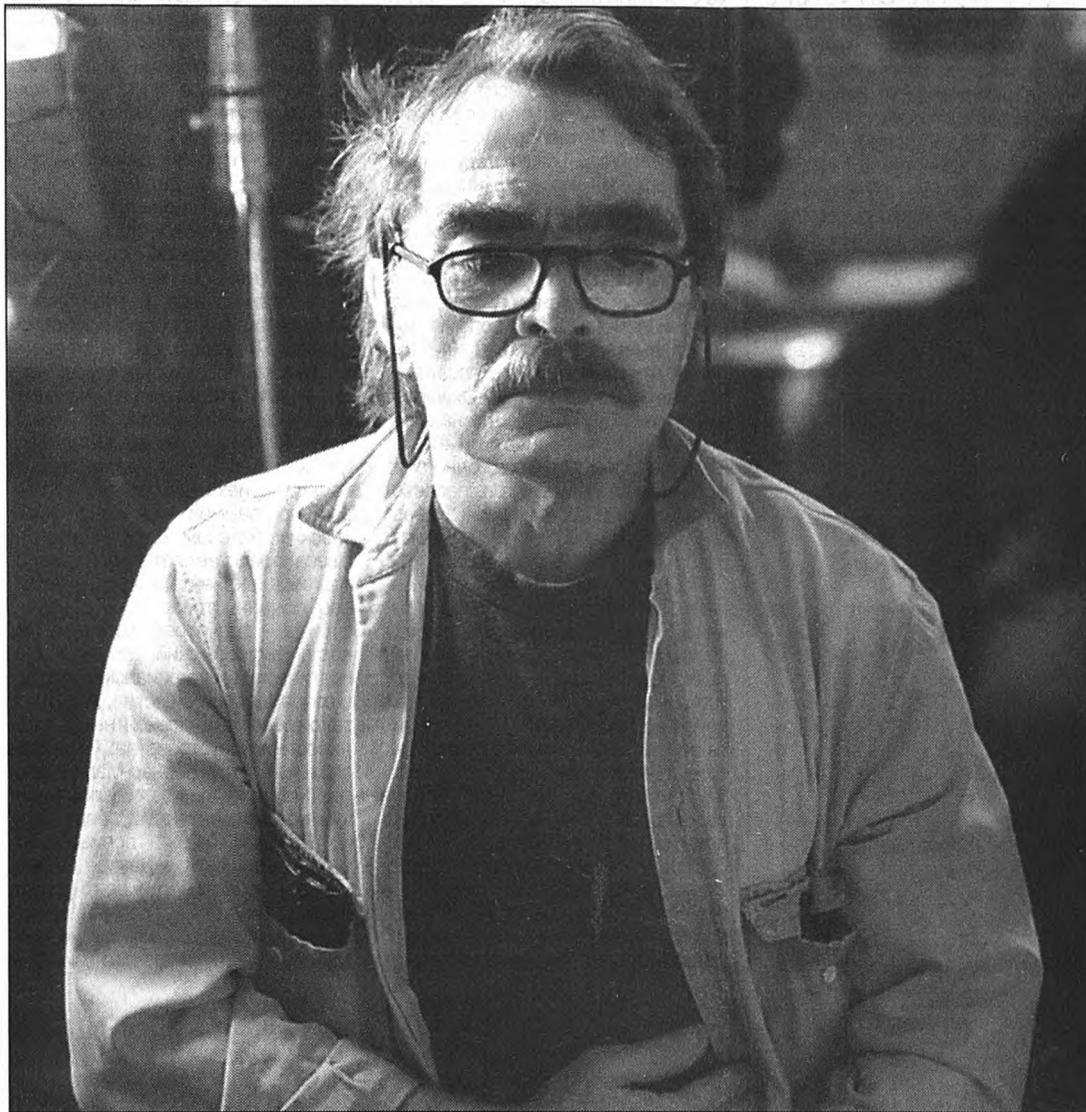
— Поначалу мы работали, исходя из расчета в пять серий. Потом продюсеры потребовали сокращения для придания динамизма. В результате сделано 4 серии, и только позднее было принято решение показать их разом, все вместе. Где-то прочитал, что это был удачный пиаровский ход. В этом я уж совсем ничего не понял. Страшное слово пи-ар...

— Как вы оцениваете все то, что происходило после фильма — рецензии, суждения, разговоры?

— Ждал худшего. Прежде всего потому, что существует масса поклонников Акунина, и любая экранизация его произведений, а уж тем более первая, неминуемо должна была вызвать самую резкую реакцию. На сайте Фандорина фанаты пишут много интересного. 60 процентов — отрицательного, что я считаю вполне нормальным. Сейчас столько рассуждают об элитности экранизации "Шерлока Холмса", а я ведь снимался в этой картине и помню, чего только не говорили про наше англичанство. Писали, что это за манерная Англия, что это за китч и так далее. Ожидаю иной реакции на "Азазель", и качественно новой, со стороны тех людей, которые прочитали книгу после того, как посмотрели наш фильм. Литературные персонажи будут у них ассоциироваться при чтении с тем, что они увидели на экране. Огромное раздражение зрителей вызвало рекламное цунами, предважавшее картину. Никакой "Титаник" не выдержит подобной рекламной кампании: "Вы такое увидите! Такого еще не было! Самый богатый, самый шикарный фильм, привлечены лучшие силы". Я говорил об опасности такой акции, предупреждал. И что в результате? Обычное кино, ни на что большее, чем оно есть, не претендующее. Никаких новаций и спецэффектов, все сделано принципиально классическим способом.

— Приведу одно суждение ваших коллег-производителей сериалов: "Мы ждали "Азазеля", потому что назрело время, когда сериалы вышли на качественно новый уровень. И если бы "Азазель" оправдал ожидания, это бы укрепило наше общее дело. А он стал откатом назад, и теперь нужно вновь доказывать, что ответственные сериалы чего-то да стоят".

— Я мало видел сериалов. Но из того, что довелось посмотреть, нельзя говорить о каком-то уровне относительно западной продукции (оставим в стороне мексиканские сериалы как совершенно особые из-

А.Адабашьян

делия). До уровня "Скорой помощи" мы не дотягиваем и еще долго дотягивать не будем. Так что даже не знаю, что я и куда откатил. Ну да им виднее, раз они этой профессией занимаются.

— Будучи человеком публичным, вы умеете защищаться? Наслушавшись и начитавшись о себе, Бог знает чего, этак можно и пулю в лоб пустить...

— Бог с вами! Что это впервые что ли? У меня есть свои точки отсчета. Другое дело, что степень развязанности нынешней критики сильно отличается от того, что было прежде, по форме, беспардонности, хамству, непрофессиональности разбора. Странно, что и серьезная пресса пишет наотмашь. Не могу сказать, что меня это убивает, лишает сил, что я в отчаянии и собираюсь пустить себе пулю в лоб, нет. Критика существовала всегда, и надо быть к ней готовым. Чем больше ты на виду, тем большее раздражение вызываешь. Тем более, когда тебя и твой труд анонсируют как событие года, века, эпохи, как точку отсчета в мировом сериальном движении. Понятно, что схлопочешь. Несмотря ни на что, продолжаю жить, как жил до сих пор, спокойно занимаюсь своими делами, как делал это и прежде. Человек я не публичный. Нигде не появляюсь, не мелькаю.

Вся критика моего фильма на-

правлена на меня, и я принимаю такое положение вещей, не собираюсь ни на кого ничего сваливать. Ссылаться, к примеру, на неудачный сценарий или на что-то еще режиссеру в любом случае глупо. Логично тогда задать вопрос: "А чего его брал?" Борис Акунин, кстати, писал сценарий сам. Это было его дело. У режиссера все в руках. Если ты такой принципиальный художник, откажись от того, что считаешь недостойным, чтобы потом задним числом не объяснять, что был плохой сценарий и оператор не тот. Надо самому отвечать за результат.

— Поступали ли к вам после "Азазеля" новые предложения с телевидения?

— Пока нет. От ОРТ, я думаю, их и не будет. Но это мое интуитивное предположение, а у них, видимо, существует такое отношение ко мне: что я не буду особенно рваться навстречу новым предложениям. Честно говоря, мне не понравилась работа на телевидении и само телевидение как механизм изготовления некой продукции. Мне ведь предлагали и программы вести несколько раз. Представляю, во что с такой скоростью можно превратиться, поварившись там месяц-другой. Смог ли бы я жить такой жизнью? Думаю, да, если бы старался быть в тусовке. Интересно, чем за-

это надо было бы заплатить? Иметь определенный круг общения, ходить в какой-нибудь модный клуб "Монолит", дружить домами с тем, с кем неинтересно.

— А зачем вы в кино снимаетесь? Однажды даже в фильме Аллы Суриковой закусывали и распивали спиртные напитки на газете "Культура"...

— Снимаюсь, когда собирается интересная компания и материал любопытный. Предложения всегда есть. Недавно снялся в новой картине Владимира Наумова, которую он ставит по сценарию Тонино Гуэрры. Там мы с Джигарханяном сыграли жуликов, продавших гондолу одной странной барышне, а та зачем-то повезет ее в Москву.

— Вы ведь и как дизайнер работаете, слышала, оформляете рестораны?

— Оформил два московских ресторана: "Обломов" и "Антонио" — это итальянский ресторан. Работал вместе с Настей Чухрай. Занятие интересное, а менять род деятельности — прекрасная штука.

Преподаю на Высших режиссерских курсах. Мои ученики по большей части будут заниматься режиссурой. Хочется научить их рассказывать простые истории, научить владению простым языком. Как это в музыке бывает, когда учат вначале гаммы играть, а потом переходят к

более сложным вещам. Также и в искусстве рисования. Если сразу начинать с самовыражения, то рано или поздно поймешь, что не умеешь ручки-ножки рисовать. На Высшие курсы приходят, уже имея одно высшее образование, житейский опыт, профессию. Идут туда не просто после школы с неясной мечтой "а не стать ли мне кинорежиссером". Это люди, уже чего-то другого попробовавшие и понявшие для себя, что хотят заниматься именно кино.

— Что только их ждет потом?

— Подозреваю, что ждет их очень тяжелая жизнь в этой профессии. Но опять-таки люди взрослые, знали, на что шли. Будучи руководителем мастерской, Владимир Мотыль всем, кто прошел экзамены и был допущен к собеседованию, разослал письма, смысл которых заключался в том, чтобы призвать серьезно подумать о том, куда люди идут и чего ждут от жизни, что это нелегкий хлеб. И вообще — хлеб ли это...

— Так хлеб или не хлеб?

Кино хоронили, когда оно стало звуковым, говорили, что оно теряет свой язык. Появился цвет вместо черно-белого изображения — и вновь хоронили кино. Теперь пророчат его гибель в связи с появлением виртуальных носителей, новых компьютерных технологий. Так оно и будет двигаться за техническим прогрессом, как крыса за дудочкой. Кино — энергоемкое производство, и оно должно окупаться, быть рентабельным. Каждая картина — это 60 — 100 человек, работающих на общий результат. Западное кино, особенно американское, ориентировано на грядущую прибыль. Поэтому то американцы и инвестируют такие колоссальные средства в кинопроизводство. Чем больше они вложат, тем больше вернут. У нас все иначе: чем больше мы вложим, тем больше потеряем, потому что проката нет. Вот и занимаемся заведомо планово-убыточным мероприятием. Если телевидение за счет рекламы в состоянии отбить деньги (поэтому такой бум сериалов), то кино обречено. Любая картина — никуда негодная и замечательная — проваливается в прокат, как в черную дыру. Максимум, который хорошая лента способна собрать, — 200 — 300 тысяч долларов. И для этого нужно приложить огромные усилия, вложить средства в рекламу. Задача продюсера — как можно больше заработать "на берегу", то есть до того, как картина залупена, заложить за щеку большую часть бюджета, понимая, что больше ничего с этого не получишь. На Западе нечто подобное тоже существует, от бюджета в самом начале какая-то часть отщипывается на личные нужды продюсеров. Это легенда, что там все честные и порядочные, а у нас — воры. Это нечто вроде страховки от риска. Но у западного продюсера все-таки есть интерес вложить определенную сумму в картину в надежде, что потом ему это вернется в прокате. У нас таких надежд нет.